

№1 В РОССИИ*

metro news.ru

16+

metronews.ru

Зарегистрировано как рекламное издание

Оленям обеспечат усиленную охрану

Москвичей потрясла гибель животных, обитающих в парке «Лосиный Остров». Некоторые СМИ обвинили во всём браконьеров, а сотрудники парка считают, что проблема заключается в бродячих собаках. Министерство природы уже заявило, что олени будут охраняться более тщательно с. 04

Weekend

НИГАТИВ НАПИСАЛ КНИГУ, А ПУСКЕПАЛИС СЫГРАЛ ПОЛИЦЕЙСКОГО с. 09 – 16

ГОД НАЗАД НАЧАЛАСЬ БИТВА С COVID-19

В конце февраля 2020 года Городская клиническая больница № 52 города Москвы приняла первых пациентов с симптомами новой инфекции. Metro пообщалось с врачами, которые продолжают работать в красной зоне с. 02–03

ТИКТОКЕР ИЗ КУРСКА ОТВЕТИЛА ХЕЙТЕРАМ с. 06

ЧТО ЖДЁТ РОССИЙСКИЙ ФУТБОЛ ВЕСНОЙ с. 20

Праздник каждый день

#happylines

Международный день неторопливости

Напиши пожелание, выложи в Instagram с нашим хештегом и отметь @gazetametro

NEWS

WWW.METRONEWS.RU

Задышим
свободнее

В Москве в течение двух месяцев могут снять ряд коронавирусных ограничений, включая запрет на проведение фестивалей, заявил в эфире «России-1» мэр Сергей Собянин: «Мы видим устойчивый тренд на снижение заболеваемости, хотя количество заболевших ещё достаточно приличное. Надеюсь, что в ближайшие месяцы, если такой тренд будет, мы снимем эти ограничения». **METRO**

Сергей Собянин | **ВАСИЛИЙ КУЗЬМИЧЁНОВ**

КОРОТКО

Ушёл из жизни создатель
мультфильма про Винни

В Москве на 87-м году жизни умер от коронавируса художник-постановщик мультфильмов «Винни-Пух» и «Фильм, фильм, фильм» Владимир Зуйков, сообщает «Интерфакс».

«К сожалению, одного из выдающихся мастеров отечественной анимации Владимира Николаевича Зуйкова не стало. Глубоко соболезнуем друзьям, родным и коллегам», — цитирует агентство пресс-службу «Союзмультфильма». **METRO**

На разгон облаков Москва
тратится всё меньше

Мэрия Москвы потратит на разгон облаков в праздничные дни 2021 года больше 417 миллионов

КОРОНАВИРУС

ДАННЫЕ НА 21:00 25 ФЕВРАЛЯ

Россия	Москва
4 212 100	973 578
ВСЕГО	ВСЕГО
+11 198	+1406
ЗА СУТКИ	ЗА СУТКИ

рублей, сообщает «Интерфакс».

Соответствующий тендер объявил городской Департамент по конкурентной политике. В 2020 году город объявлял конкурс на эти работы на 452 миллиона рублей, в 2019 году — на 513 миллионов. **METRO**

ГРАФИКА: ПАВЕЛ КИРЕЕВ | ИСТОЧНИК: АГЕНСТВО «МОСКВА»

Берегите свои наушники

В РЖД рассказали, какие вещи и как часто пассажиры забывают на московских вокзалах

Забыли на вокзалах:

В 2020 году — 25 тысяч вещей
Больше всего — на Ленинградском вокзале — 10 тысяч

В основном велосипеды, самокаты, детские коляски, автокресла

В январе 2021 года — 2,8 тыс. вещей
Больше всего — на Казанском — 1,3 тысячи

В основном наушники, зарядные устройства, шапки, шарфы и перчатки

Источник: агентство «Москва»

«ЭТОТ ВИРУС ДО

Год назад, в ночь с 28 на 29 февраля, в Городскую клиническую больницу № 52 начали поступать первые пациенты с симптомами новой коронавирусной инфекции. Metro поговорило с врачами, которые одними из первых в России встретились с COVID-19

МИХАИЛ НЕШЕВЕЦ | ПРЕДОСТАВЛЕНО ГЕРОЯМИ ПУБЛИКАЦИИ И ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ГКБ № 52

НАДЕЖДА МАЗОВА
ТЕРАПЕВТ

В первый день всё было непонятно. Было тяжело из-за потока. Самое неприятное — мы поняли, что не знаем, как лечить. Вот тогда мы растерялись — лекарства не помогают. Пациентам становится хуже, а протоколов как таковых нет. Было неприятно осознавать, что не на всех хватает банально кислородных точек. На тот момент (пока ещё шла реконструкция) у нас было две палаты — мужская и женская — и там точки: в одной пять, в другой шесть. И мы смотрели: у кого необходимости экстренной не было, мы их выкатывали из палаты, а закатывали тех, кому необходимо. Катали туда-сюда, играли в шашечки.

Сейчас уже в каждой палате, над каждой кроватью есть кислородная точка.

Дежурные доктора, я тогда была дежурным доктором, просто сходили с ума. Мы практически не писали истории болезни — мы только принимали, осматривали, назначали лечение. У нас сначала был один доктор на два отделения. Три доктора на корпус, в котором более сотни коек. Примерно по 30 человек на доктора. Мы работали как фельдшера на военном положении — послушать, померить давление и сатурацию — как раненых с поля боя принимали.

Хотите честно? Мне до сих пор страшно! Как только выяснилось, что к нам это может попасть, — у меня ребёнку 12 лет — отправила его к родителям своим. Они благо недалеко живут — тоже в Москве. Я больше переживала, что их могу заразить. Учитывая, что мы не понимали, как выявить... У меня ребёнок с марта месяца там был на изоляции.

У нас многие врачи отказались работать с ковидом. Они работали в чистых корпусах. У нас туда ушли

кардиологи, но остальные терапевты друг друга не бросили. Мы работали на идее: «а кто будет работать вместо нас»? Если мы сейчас разбежимся как крысы, то что будет?

Для кого-то доплаты стали стимулом прийти, но для нас это просто была хорошая новость. Мы бы и так работали, а тут ещё и денег дадут — просто отлично. Понятно, что, если бы и не дали, никто бы с работы не ушёл.

Я запомнила двоих пациентов. Женщина у нас была в самом начале ковида в очень тяжёлом состоянии. И она из тех людей, у которых из-за болезни происходит «смещение личности». Что ей не скажи, она всё сделает наоборот. Я её неделю ловила по отделению в разных позах! Мы с ней очень сильно ругались, я на неё кричала: «Лежи, не вставай, не снимай маску!» Она была одной из первых, у кого мы заметили такие изменения личности. Она выздоровела, и мы с ней потом даже встречались.

И плохой случай... К нам в первые дни поступали в основном возрастные люди. А этот молодой, мой ровесник. Ничего не предвещало беды, но потом резкое ухудшение, и за пару дней он умер. И я старалась быть рядом, и было так неожиданно... Я очень огорчилась.

В апреле мы уже почувствовали, что понимаем, как с этим бороться, когда увидели эффективность от иммуносупрессивных препаратов, которые используются в ревматологии. Люди начали выздоравливать. Тогда стало легче. До этого витамины капали, симптоматически лечили. И потом появились противовирусные препараты — стало здорово. В августе возникло ощущение, что опять что-то пошло не так. Люди стали по-другому болеть. Препарат вроде работает, показатели крови улучшаются, но пациент чувствует себя плохо. Вирус начал вести себя «хитро». Мы стёрли пот со лба, мол, прошла острая фаза, но пациенту становится хуже. Сейчас уже смотрим не только на прямые, но и на косвенные признаки — голова кружится, тошнит. Мы понимаем, что нужно продолжать лечение, что шторм

закончился, но не совсем, волны всё ещё поднимаются время от времени.

Многие говорили, что ковида или нет, или он не опасен. И до сих пор те, кто не сталкивался с этим заболеванием или очень легко переболел, не могут осознать всей сложности. Нам бы хотелось, чтобы люди не с плакатами стояли «Спасибо врачам!», а защищали себя, чтобы нам стало легче во всех смыслах — ведь терять пациентов, не имея возможности спасти всегда очень тяжело.

АРТУР МНЯЧИН
хирург

Впервые узнал про ковид из СМИ. Потом мы начали ездить в Шереметьево встречать пассажиров из Китая, чтобы осмотреть, выявить заболевших, а потом им давали подписывать согласие, что будут находиться какое-то время на изоляции. Я тогда никого с симптомами не встречал.

Я не думал о страхе. Было страшно за родных. Я же переболел в самом начале эпидемии, в апреле.

Поднялась температура, кашель, обоняние потерял... Где заразился, сказать трудно. Может, от китайцев, а может, просто в магазине — тогда ведь не было таких ограничительных мер, как сейчас. Лечился в своей больнице сначала, а после стабилизации лечился дома — это длилось ровно три недели. Остаточных явлений, к счастью, нет. К февралю антител уже не было, и я сделал прививку.

Обычно запоминаются те, кто тяжело болеет. Мой брат лежал 44 дня с тяжёлым поражением лёгких, но благодаря коллегам он выкарабкался. Я с самого начала понимал, что это серьёзно! И я старался убедить и предостеречь тех, кто недооценивал ситуацию. Сейчас мы уже просто привыкли к вирусу и новым правилам. Я сталкивался с ковид-диссидентами, считавшими, что это заговор, но потом, когда переболели в тяжёлой, к сожалению, форме, они приходили к пониманию правильного. Но, кстати, не все! Попадались люди, которые лежали в больнице на животе и всё равно утверждали, что нет никакого ковида. Но это в виде исключения, конечно.

Надежда
Мазова

«ЛЖЕН НАС БОЯТЬСЯ»

СВЕТЛАНА ЛИБУРКИНА
терапевт приёмного отделения

ИВАН ЛИБУРКИН
студент мединститута

Это было 29 февраля. Нас открывали как инфекционное отделение, приехала большая комиссия, корпус весь от больных освободили – отправили в другие стационары.

В два часа открылись, и за несколько часов мы приняли порядка 40 больных. В приёмном отделении всегда принято работать быстро, и мы как-то сразу и не заметили, что уже 5 утра! Мы не предполагали, что будет такая массовость. Многие коллеги ушли в самом начале – те, кто не выдерживал накала, ведь в первое время были графики такие, что и сутки через сутки работали. Только отоспался и снова на работу.

Первый пациент с коронавирусом к нам заехал (в моё дежурство) 16 марта. До этого ни у кого не подтверждалось – были либо бактериальные пневмонии, либо гриппозные. Но свозили со всей Москвы к нам и в 40-ую больницу.

И вот 16 марта заехал тот, у кого подтвердился через сутки коронавирус. Когда он к нам поступил, то никак на фоне остальных не выделялся. Когда сделали КТ, поняли, что это не просто пневмония... Он где-то в шесть вечера поступил, а утром уже попал в реанимацию. Он там почти месяц отлежал, но выжил и выписался. Этого первого пациента мы запомнили все. Мужчина, примерно лет 36.

Когда начинали работать, даже не верили, что всё так серьёзно. А потом всё больше, и больше, и больше этих пациентов, и в какие-то моменты начинала жалеть, что стала медицинским работником. Правда, потом открывается что-то вроде второго дыхания. Мы приходили уставшие, падали, а утром опять на работу... Но как без нас? Жалела, что и сына в это дело втянула – он студент мединститута. Мы сейчас с ним вместе работаем в приёмном отделении – такой семейный подряд. Ему 23 года – четвёртый курс. Пока не было специализации, но теперь уже хочет быть реаниматологом.

Когда он поступил в мединститут, я не была уверена, что это его специальность. И решила устроить «мини-экзамен», сможет ли работать в приёмном отделении. И устроился он за год до коронавируса. Он никакой поблажки от меня не имеет, даже наоборот. Он медрегистратор – первым встречает, оформляет историю болезни – первый контакт с пациентом.

Мы никогда особо не боялись заболеть. Между собой говорили, что не мы вируса должны бояться, а он нас!

Мы переболели совсем недавно – уже в этом году, но перенесли легко!

Сын за время пандемии очень изменился. У него развилось клиническое мышление. Я уже сейчас вижу, что из него выйдет хороший врач. Подходит и говорит: «Мам, там тяжёлого привезли». И не потому, что он на каталке, он может быть на ногах, но по одышке уже определяет, что сатурация низкая. Те студенты, кто прошёл коронавирус, красную зону, все станут хорошими врачами. Выдержать такой напор, такие моральные нагрузки – когда много тяжёлых больных, когда смотришь, что этого мы пять минут назад приняли, а он уже в реанимации, а через час уже в списке умерших... К такому только реаниматологи в каком-то смысле привычные, а врачам, которые в обычных отделениях... всем было тяжело. А студенты, которые пришли волонтерами, медсёстрами, – для них это настоящее боевое крещение.

Героями себя не считаем, это работа. Мы все военнопоблаженные и, когда шли в медицину, понимали, что мы все, чуть что случись, будем на передовой. Да, у нас не было такой народной поддержки, как в других странах, где врачам с балконов аплодировали. Но положила руку на сердце вспомните,

сколько перед ковидом было «разборок» с врачами – дело Мисюриной и так далее. Опустили профессию врача, пытались смешать с грязью. И люди потеряли доверие к врачам.

Первая волна была легче, несмотря на то что народу было больше, но пациенты были легче. А вот вторая волна... И пациенты тяжелее, и много реанимационных больных, которые к нам приезжали уже на кислороде... И возраст. В первую волну – помоложе, во вторую – постарше.

ВЛАДИМИР ВТОРЕНКО
хирург, президент ГКБ № 52

Если бы мы с вами говорили через 3 месяца после начала пандемии, то я сказал бы, что было очень тяжело! Вспоминаю эти очереди скорых кольцами вокруг больницы. Казалось, что это просто какой-то ад. Но, если в целом рассматривать, это был удивительный год, который высветил позитивные качества нашего коллектива и Москвы в целом. Год напряжённейшего труда, год интеллектуального штурма, колоссальных алгоритмов работы. Ведь у нас большин-

ство врачей не инфекционисты. Это было очень не просто! Мы зашли в этот год, не имея чётких диагностических критериев, лечебных рекомендаций (да их никто в мире не имел!), и этим мы занимались очень много. Наш главный врач Мария Анатольевна Лысенко, без пафоса говорю, одной из первых поняла, что не надо ждать, пока нам принесут что-то и скажут «делайте вот так», а самим нужно придумать и создать! И очень многие схемы и подходы к лечению были разработаны у нас в клинике. Но главное – люди. Помните, в начале было какое напряжение в обществе? Всем было немножко страшновато. И мы смотрели с пониманием на тех, кто мог отказаться от работы в красной зоне. Но сейчас могу только бурно аплодировать нашим врачам, сестричкам, младшему персоналу!

В основе всего – стержень медицины советской и российской в плане подготовки врачей. И, конечно, колоссальная поддержка города – инженерная, техническая. Знаете, это был просто порыв – отстоять Москву! Весной было единение всех. Скептические голоса звучали, но они оставались в меньшинстве. Огромное количество безвозмездной помощи, которое нам предлагалось абсолютно незнакомыми людьми и организациями! Такие ситуации раскрывают всё самое лучшее и в человеке, и в обществе в целом. Оцениваю год как год тяжёлой работы, но и как год свершений и побед!

Ульяне необходимо получить лекарство

Ульяна | ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Двухлетняя малышка Ульяна Комарова родилась в Хакасии, а страшный диагноз – первичный иммунодефицит комбинированный с синдромом Нетертона – ей поставили в Центре Рогачёва в Москве. Но до этого девочке и её семье много пришлось пережить. Когда Ульяна родилась, кожа у неё была красная и вся в чешуйках.

– Врачи не могли поставить диагноз, – рассказывают в фонде «Подсолнух», – потому что такого ребёнка видели в первый раз.

Решили, что всему виной – лечение антибиотиками от пиелонефрита во время беременности и скоро «всё пройдёт». Порекомендовали смазывать кожу увлажняющими мазями, как можно чаще купать с маслинами и через месяц отправили домой. Но ситуация не менялась.

– Когда мама с Ульяной выходили гулять, на улице все тыкали пальцем, – говорят в фонде. – Им и сейчас постоянно задают вопросы: «Что с вами?»

Тем временем малышка плохо набирала вес и страдала постоянными отитами. В три месяца она попала в больницу с очередным отитом и белково-энергетической недостаточностью. Ульяна провела там ещё несколько месяцев, а затем её наконец отправили в Центр Рогачёва, где смогли понять, что с ней, и подобрать терапию. От неё ребёнку наконец стало лучше.

Но сейчас с получением лекарства по месту жительства возникли проблемы. Необходимы 4 упаковки «Секукиномаба» общей стоимостью 200 тысяч рублей. METRO

Артур
Мноян

Владимир
Вторенко

Иван
Либуркин

Светлана
Либуркина

Помочь легко

• Чтобы помочь Ульяне, отправьте SMS со словом «METRO» и суммой пожертвования на 3434. Например: «METRO 200», и подтвердите оплату в ответном сообщении. Подробности – на fondpodsolnuh.ru или по тел.: +7 (495) 767-7338.